

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.01

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ ОПОРНАЯ ТРАКТОВКА ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

© 2017 г. Б.В. Макогон

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В работе на основе изучения обширного комплекса доктринальных источников представлен анализ широкого круга различных подходов к понятиям процессуального права, юридического процесса и предложена трактовка последнего, имеющая методологически опорный характер.

Ключевые слова: *юридический процесс, процессуальное право, методология юридического процесса.*

Studying doctrine sources, the author carries out an in-depth analysis of a wide range of different approaches to the concepts of procedural law, the legal process and proposes the interpretation of the latter which possesses a methodological-support character.

Keywords: *legal process, procedural law, the methodology of the legal process.*

В настоящее время процессуальное право признается самостоятельной отраслью знаний о государственно-правовой действительности. При этом сохраняются дискуссионные вопросы, носящие в ряде случаев фундаментальный характер, а также направления, нуждающиеся в эффективном совершенствовании. Следовательно, наличествует необходимость дополнительного анализа существующих подходов к трактовке процессуального права, в том числе на основе новых методологических решений.

В теории права сложилось, что, по сравнению с иными правовыми регуляторами, относительно развитые процессуальные нормы в их самостоятельности и комплексности появляются на сравнительно поздних этапах развития общества, отражая качественный уровень цивилизованности государства и общества в целом. Данный тезис в значительной степени касается и процессуально-правовой науки.

Говоря о зарождении и развитии процессуально-правовой науки в России, отметим, что проблема процессуального права в юриспруденции отмечается различными этапами в становлении и развитии [8]. Впервые упоминания, связанные с возникновением процессуального права как науки имеются в дореволюционных исследованиях российских юристов. Они основывались на том, что отдельные виды процессов – уголовный, гражданский и канонический – расценивались дополнением соответствующего материального права, производным от последнего [18, с. 14].

До последних десятилетий XIX века процессуально-правовая наука развивалась в основном в контексте господствующей материально-правовой теории права на иск [18, с. 14].

На данном историческом этапе важной, особенной чертой уголовного процесса являлся его еще более зависимый характер (в отличие, к примеру, от гражданского процесса), что выражалось в восприятии уголовного процесса в качестве составного элемента уголовного права. Необходимо отметить, что взаимосвязь уголовного права и процесса рассматривалась по аналогии с той связью, которая существует между материей и формой одного организма. Именно поэтому уголовное право было принято именовать материальным, а соответствующую разновидность процесса – формальным уголовным правом [20, с. 2].

На рубеже XIX-XX веков гражданский и уголовный процессы начали рассматривать в качестве отдельных областей знания, научных отраслей, обособленных от материального права и друг от друга. В это же время в правовой науке закладывается новая отрасль знания, предметом изучения которой является процессуальное право. Его осмысление на данном хронологическом этапе связано с правоохранительной разновидностью (включая правоустановительную) деятельности органов судебной власти. Более поздняя юридическая мысль отмечена тенденцией, рассматривающей процесс в качестве единой научной дисциплины, выстроенной в соответствии с общими началами, а отдельные виды процесса (уголовный, гражданский, административный) как второстепенные разновидности одного основного вида, ветви этой единой науки [12; 22, с. 4 и др.].

С появлением концепции судебного права в юридической науке возникает «узкий» подход к процессуальному праву [14, с. 17]. Он представляет собой совокупность правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, возникающих при осуществлении правосудия, в связи с ним или по поводу деятельности, осуществляющей подготовку правосудия [10].

Следует отметить, что в текущее время в государственно-правовой науке также наличествует приведенный узкий подход, отождествляющий процессуальное право с совокупностью правовых норм, которыми регулируются отношения, возникшие в связи с расследованием преступлений, рассмотрением и разрешением уголовных, гражданских, арбитражных дел, а также дел об административных правонарушениях и дел, рассматриваемых в порядке конституционного судопроизводства [17].

Однако термин «процессуальное право» широко интерпретируется как те отрасли правовой системы государства, которые определяют порядок и условия применения и защиты материального права [27].

Полагаем, второй подход в большей мере отражает современные запросы функционала процессуальных норм.

Вместе с тем, наряду с дефиницией процессуального права параллельно в качестве противопоставления узкого понимания процессуального права стала разрабатываться теория юридического процесса.

Юридический процесс выражается через совокупность правовых норм, регулирующих юрисдикционную деятельность, реализуемую органами, специально уполномоченными государством [6, с. 298].

Отметим, что дальнейшее понимание процессуального права, ставшее уже типичным, расширилось с помощью выводов об имеющихся процессуальных нормах в конституционном, административном, финансовом и иных отраслях [7; 9]. Таким образом, становится распространенным ранее нами уже указанный «широкий» подход к дефинированию юридического процесса. Его сущность состоит в том, что функционал процессуального права не лимитирован только регулированием принуждения и разрешения гражданско-правовых споров. В системе материальных отраслей права, помимо уголовного и гражданского процессов, наличествуют разнообразные нормы процессуального права и институты, которые лежат в основе осуществления деятельности по применению любых материально-правовых установлений.

Ведущие представители общей теории права и административно-правовой науки в дальнейшем дополнили своими теоретическими взглядами правовую процессуологию в части «широкого» понимания ключевого термина.

Так, П.Е. Недбайло полагал, что любой деятельности по применению правовых норм имманентна процессуальная форма [13, с. 22]. Аналогичную позицию занимал Л.С. Явич. Он указывал, что процесс – это не только применение санкций материальных норм, но также гипотез и диспозиций, регулируемое процессуальными нормами. Этот автор приводил аргументы в пользу единой процессуальной отрасли права как элемента системы советского права, имеющей предназначение решать единую задачу регламентирования общественных отношений, связанных с применением юридических норм [26, с. 96-97].

В дальнейшем работы В.М. Горшенева отобразили систематическое обобщение и развитие нового направления в общетеоретическом понимании назначения процессуальных форм. Ученым высказан тезис о наличии процессуального права как самостоятельной части права, регламентирующей все сферы деятельности и многообразные отношения не только в юрисдикционной области, но и при рассмотрении и разрешении любыми публичными властными субъектами различных индивидуальных дел положительного характера. Процесс как таковой, полагал В.М. Горшенев, всегда имеет место, если реализуется правоприменительная деятельность по осуществлению предписаний материально-правового характера. Именно с наличием или отсутствием правоприменительной деятельности следует связывать наличие или отсутствие процесса [5].

В последующем, дополняя высказанную идею, В.М. Горшенев утверждал, что своеобразной надстройкой над нормами материального права являются нормы процессуального права. По этой причине они направлены на регламентацию общественных отношений, касающихся процесса применения материальных норм права при наличии соответствующих для этого обстоятельств. Содействие достижению результата нормой материального права является общей целью двух видов обозначенных норм [5].

Разработки П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева в последующем были консолидированы в коллективной монографии, изданной под их редакцией. В ней как уже устоявшийся тезис отмечено, что процессуальная форма присуща любой правоприменительной деятельности. Признается ее

важное значение не только в правоохранительной и положительной областях правоприменительной деятельности государственных органов, но и в юрисдикционной деятельности, связанной с применением санкций [25, с. 9]. В анализируемой монографии аргументирована мысль, что соответствующие процессуальные нормы опосредованы любой отраслью материального права.

В связи с этим ряд ученых полагает, что юридическим процессом является любой порядок осуществления субъективных прав и обязанностей [25, с. 107].

Бесспорным вкладом этих ученых в развитие широкого подхода к процессу следует считать то, что ими было привлечено внимание к вопросам выявления общетеоретических признаков процессуального права.

Отметим, что в юридической науке также проявилась тенденция радикального неприятия широкого подхода к раскрытию аспектов процессуального права, включая и юридический процесс. К примеру, это отмечено в трудах А.М. Васильева [3, с. 184] и С.С. Алексеева [1, с. 123].

Позднее концепция широкого понимания процесса подверглась всестороннему теоретическому анализу со стороны ученых-процессуалистов. Как результат – высказанные ими критические аргументы [19; 22].

М.С. Строгович категорично не принимал концепцию общего или универсального юридического процесса, полагая это искусственной конструкцией. По его мнению, ключевой недостаток заключался в неосновательном расширении понятий процессуального права, процессуальной формы и процессуальной деятельности. Гипотетически принимая эту концепцию, он указывал, что тогда понятие юридического процесса и процессуального права будут раскрывать явления, совершенно различные по своему существу [19, с. 62]. В числе таких он называл, к примеру, регулирование уличного движения или прием граждан. М.С. Строгович считал, что нормы, касающиеся порядка выборов, нельзя относить к процессуальному праву. Он приводил ряд контраргументов, направленных против обособления административного процесса как урегулированного правом порядка по разрешению некоторых категорий административных дел самими же административными, исполнительно-распорядительными органами [19, с. 62-63].

Н.А. Чечина также воспринимает общий юридический процесс в качестве бесперспективного, так как он, якобы, может отрицательно повлиять на укрепление законности, что, в свою очередь, фактически приведет к растворению в правилах процедуры норм процессуального права. Это, по ее мнению, снизит требования к правилам процедур, их содержательной стороне и соблюдению, в конечном итоге, не способствуя укреплению законности [24, с. 114].

Полагаем, при таком подходе складывается впечатление о детерминированности юридического процесса процедурами, что не вполне оправданно.

Отдельные авторы, отрицающие концепцию универсальности юридического процесса, тем не менее, соглашались с тезисом, что разнообразные и многочисленные правила процедуры сопутствуют деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества. Однако такие правила имеют существенные различия с учетом критериев видовой принадлежности, целей и содержательной обусловленности, а также базовых принципов. Именно по данной причине объединение указанной деятельности на основе общих процессуальных понятий и тем более единого процессуального права и законодательства, в рамках одной процессуальной науки с точки зрения теории и практики не состоятельно [2, с. 30].

Здесь же следует привести высказанное В.Н. Протасовым замечание о недостатках концепции «широкого» юридического процесса, которые в рамках развития общеправовой процессуальной теории делают ее тупиковым разделом, не оставляющим перспектив в доктринальном и практическом аспектах [16, с. 49].

Представленные мнения, критикующие концепцию интерпретации различных аспектов процессуального права в широком его смысле, а также юридического процесса, возымели свое действие, и в настоящее время уже не делается акцент на правоприменении в качестве основания для градации явлений права на материальные и процессуальные. Ряд разновидностей «широкого» юридического процесса, кроме правоприменительной деятельности, дополнили правотворческая, контрольная, учредительная, распорядительная и иные [15; 21].

Отдельные сторонники данного подхода в качестве критерия обособления процесса от материально-правовых явлений прямо указывают непригодность правоприменения [4, с. 21, 123, 148].

Таким образом, концепция «широкого» понимания юридического процесса остается весьма уязвимой ввиду отсутствия внятного критерия, разграничивающего материальные и процессуальные явления в праве. Однако в целом, современное процессуальное право следует расценивать как самостоятельный феномен, который в отличие от материального права более устойчив к эко-

номической конъюнктуре и является показателем зрелости демократии, реального гарантирования прав и свобод личности.

На наш взгляд, ныне господствующая в теории права мысль о том, что официальное применение любой нормы материального права должно осуществляться в определенной процессуальной процедуре, – это перспективный путь в развитии правового государства.

Юридический процесс как аспект процессуального права и как урегулированная правом деятельность первоначально появился в связи с необходимостью социальной практики ликвидировать аномальные проявления общественных отношений. Его предназначение состоит в том, чтобы подобающим образом, в строго установленной форме и режиме исполнить индивидуальное правовое регулирование (применение правовой нормы в конкретном жизненном случае) и таким способом повлиять на относительную стабильность реального общественно-политического строя и его компонентов. Мы разделяем мнение, подчеркивающее, что традиционное понимание процессуального права оформилось именно на данной основе [8, с. 68].

Учитывая вышеобозначенные позиции, а также выраженную многогранность, ограничительную [11], организующую, стимулирующую и иные существенные характеристики процессуального права, предлагаем методологически опорную трактовку юридического процесса, в рамках которой под последним понимается совокупность правоотношений, возникающих и существующих при разрешении юридически значимых дел.

Литература и источники

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1972. 223 с.
2. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 252 с.
3. Васильев А.М. Правовые категории и их место среди категорий обществоведения // Труды Всесоюзного заочного юридического ин-та. М., 1973. Т. 32.
4. Галаган И.А., Глебов В.П. Процессуальные нормы и отношения в советском праве. Воронеж, 1985. 208 с.
5. Горшенев В.М. Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству // Проблемы правоведения. Новосибирск, 1967.
6. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М., 1999. 335 с.
7. Краснов Н.И., Иконицкая И.А. Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975. 150 с.
8. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. 240 с.
9. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. 168 с.
10. Макогон Б.В. Теоретико-методологические основания научного познания закономерностей процессуального законодательства России // Бизнес в законе. 2013. № 6.
11. Макогон Б.В. Юридическая природа и ограничительная сущность процессуального права // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 5.
12. Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. Еженедельная юридическая газета. 1908. № 32.
13. Недбайло П.Е. О юридических гарантиях правового осуществления норм советского права // Советское государство и право. 1957. № 6.
14. Проблемы судебного права / под ред. В.М. Савицкого. М., 1983. 224 с.
15. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005. 480 с.
16. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
17. Рогожин Н.А. Арбитражный процесс. М., 2007. 248 с.
18. Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. 75 с.
19. Строгович М.С. Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12.
20. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1889. Т. 1. 328 с.
21. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности: трансформация в условиях экономического кризиса // Российская юстиция. 2011. № 6.
22. Труды Всесоюзного заочного юридического ин-та. Проблемы соотношения материального и процессуального права / под ред. проф. М.С. Шакарян. М., 1980. 156 с.
23. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1912. 579 с.
24. Чечина Н.А. Основные направления развития гражданского процессуального права // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1978.

25. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. В.М.Горшенева, П.Е. Недбайло. М., 1976. 280 с.
26. Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. 168 с.
27. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/ (дата обращения 10.11.2016 г.).

УДК 340

КОРРУПЦИЯ, ТЕРРОРИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ, НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ИХ СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ И РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИМ

© 2017 г. М.Б. Смоленский

*Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г. Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20*

*Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennyovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000*

*Ростовский государственный университет
путей сообщения
344038, г. Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового Полка На-
родного Ополчения, 2*

*Rostov State
Transport University
2, Rostovskogo Strelkovogo
Polka Narodnogo Opolchenija
Square, Rostov-on-Don, 344038*

В статье говорится о важности противодействия таможенными органами активным вызовам национальной безопасности: терроризму, экстремизму, незаконной миграции и роль правовой культуры и образования в процессе усиления борьбы с этими проявлениями.

Ключевые слова: *национальная безопасность, коррупция, терроризм, экстремизм, незаконная миграция.*

The article outlines the significance of counteracting the current challenges to national security such as extremism, terrorism, illegal migration; highlights the role of legal culture and training in increasing fight against these phenomena.

Keywords: *national security, corruption, terrorism, extremism, illegal migration.*

Одним из самых серьезных вызовов национальной безопасности Российской Федерации является коррупция. В целях искоренения причин и условий, ее порождающих, реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции, в обществе формируется атмосфера неприемлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной сфере [1, с. 5].

Несмотря на громкие уголовные дела, возбуждаемые в отношении высокопоставленных чиновников и силовиков, пессимизм населения относительно перспектив победы над коррупцией растет. Согласно опросу «Левада-центра», проведенного в феврале 2016 года, уже 44% россиян заявили о невозможности искоренения коррупции в нашей стране. По их мнению, наиболее подвержены коррупции сотрудники правоохранительных органов и муниципальные служащие.

О серьезности этой угрозы наглядно свидетельствуют статистические данные Генпрокуратуры РФ. Так, если в 2014 году совокупный размер материального ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, составлял 39 млрд. руб., то в 2015 году – уже 43 млрд. руб. В первом полугодии 2016 года этот показатель достиг 28,5 млрд. руб.

По данным ГИАЦ МВД России, в прошлом году было зарегистрировано более 32,4 тыс. коррупционных преступлений (+0,8% к 2014 году). Число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ "Получение взятки", увеличилось на 8,6% (с 5,9 тыс. до 6,4 тыс.), а по ст. 291 УК РФ "Дача взятки" – на 15,3% (с 5,9 тыс. до 6,8 тыс.). Также большой проблемой является высокая латентность таких преступлений, которая может достигать порядка 90%.

Аналогичная тенденция сохранилась и в текущем году. Уже в первом полугодии выявлено 21,3 тыс. коррупционных преступлений, что на 5% превышает аналогичный показатель прошлого